

Мечты великих мечтателей никогда не исполняются, они передаются другим.

Альфред Л. Уайтхед

Было уже восемь вечера, мне еще надо было подготовиться к завтрашнему выступлению в суде. А я все еще был под впечатлением от приключений этого бывшего судебного воителя, столь драматично изменившего свою жизнь после встречи с удивительными индийскими мудрецами. Как поразительно, думал я, насколько невероятное превращение! Во мне зародился тайный интерес: могут ли секреты, познанные Джулианом в том далеком горном убежище, улучшить качество и моей жизни, вернуть мне способность удивляться миру, в котором я живу? Чем дольше я слушал Джулиана, тем больше начинал понимать, что мой собственный дух требует обновления. Куда подевалась та необычайная страсть, с которой я брался за любое дело, когда был помоложе? В те времена даже простейшие вещи приносили мне радость. Может, настало время и мне переосмыслить свою судьбу.

Чувствуя мой интерес к его одиссее и мое страстное нетерпение постичь систему просветленной жизни, открытую мудрецами, Джулиан стал рассказывать свою историю быстрее. Он поведал мне, как его жажда знаний, помноженная на острый ум, отточенный многолетними битвами в зале заседаний, помогла ему завоевать любовь членов общины Сиваны. В знак своей благосклонности к Джулиану монахи в конце концов сделали его почетным членом своей группы и стали обращаться с ним как с полноправным членом их увеличившейся семьи.

Сгорая от нетерпения расширить свои знания о возможностях сознания, тела и души, а также научиться владеть собой, Джулиан проводил в занятиях с Раманом практически все время, за исключением часов сна. Этот мудрец стал для Джулиана скорее отцом, чем учителем, хотя разница в возрасте между ними составляла лишь несколько лет. Было очевидно, что этот человек накопил в себе мудрость многих поколений, но прекраснее всего была его готовность поделиться этой мудростью с Джулианом.

Занятия начинались до восхода солнца. Раман сидел со своим прилежным учеником и наполнял его сознание откровениями о смысле жизни и малоизвестными приемами, которыми он сам в свое время овладел, чтобы жить полноценно, творчески, с большей отдачей. Он научил Джулиана древним принципам, которые, как он говорил, может применять каждый, чтобы жить дольше, оставаться моложе и быть куда более счастливым. Джулиан также узнал, что два неразрывно связанных качества — власть над собой и ответственность за свои поступки — уберегут его от возврата к хаосу, свойственному его жизни на Западе. Недели слагались в месяцы, и Джулиан постепенно начинал осознавать, какой огромный потенциал дремлет в его собственном сознании, ожидая пробуждения и востребования во имя высших целей. Порою учитель и ученик просто сидели и любовались сияющим индийским солнцем, поднимающимся вдали из глубины зеленых лугов. Иногда они отдыхали в спокойной медитации, зачарованные тишиной. Порой они просто гуляли в сосновом лесу, философствуя и наслаждаясь общением друг с другом.

Джулиан сказал, что первые признаки его личностного роста появились только лишь после трех недель пребывания в Сиване. Он начал замечать красоту самых заурядных вещей. Будь то чудо звездной ночи или узоры паутины, усыпанной дождевыми каплями, Джулиан впитывал в

себя все. Он также сказал, что его новый стиль жизни и порожденные им новые привычки стали оказывать глубокое влияние на его внутренний мир. После применения в течение месяца принципов и приемов мудрецов у Джулиана, по его словам, начало вырабатываться чувство глубокого покоя и внутренней безмятежности, которое ускользало от него все годы жизни на Западе. Он становился веселее и непосредственнее, энергичнее и изобретательнее с каждым прошедшим днем.

Обретение физической энергии и духовной силы стали следующими изменениями личности Джулиана. Его тело, когда-то набравшее лишний вес, стало сильным и худощавым, а лицо, отличавшееся прежде болезненной бледностью, засветилось здоровьем. Он действительно чувствовал, что мог сделать все что угодно, быть кем угодно, выпустить на волю безграничные возможности, которые, как он выяснил, таятся в каждом из нас. Он начал дорожить жизнью и видеть божественность каждого ее проявления. Древняя система этой таинственной общины монахов начала творить свои чудеса.

Сделав паузу, словно дивясь своему собственному рассказу, Джулиан продолжил философствовать.

— Я осознал нечто очень важное, Джон. Мир, в том числе и мой внутренний мир, — это крайне необыкновенное место. Я также понял, что внешний успех ничего не значит, если он не сопровождается внутренним успехом. Существует огромная разница между благосостоянием и состоянием блага. Когда я был преуспевающим адвокатом, я имел привычку насмехаться над людьми, которые работали над улучшением своей внутренней и внешней жизни. «Живите как живется!» — считал я. Но я узнал, что самосовершенствование и постоянная забота о сознании, теле и душе крайне существенны для максимальной реализации возможностей личности и способности достигать своей мечты. Как можно заботиться о других, если ты не заботаешься даже о самом себе? Как можно делать добро, если ты просто плохо себя чувствуешь? Я не могу любить тебя, не любя себя самого.

Внезапно Джулиан как-то забеспокоился и слегка смутился. «До тебя я никогда никому так не открывал свою душу. Извини, Джон. Дело в том, что я просто пережил такое потрясение в этих горах, моей душе открылись такие силы мироздания, что я чувствую: другим тоже надо знать то, что знаю теперь я».

Заметив, что уже становится поздно, Джулиан стал поспешно прощаться со мной.

— Ты не можешь уйти сейчас, Джулиан. Я и вправду желаю познать всю ту мудрость, которой ты научился в Гималаях и которую ты пообещал своим учителям принести на Запад. Ты не можешь оставить меня в неизвестности — ты знаешь, я этого не выдержу.

— Будь уверен, мой друг, я вернусь. Ты же меня знаешь — уж если я начал рассказывать интересную историю, то просто не могу остановиться. Но ты должен закончить свою работу, а мне надо заняться кое-какими личными делами.

— Тогда скажи мне лишь одно. Все, чему ты научился в Сиване, подойдет для меня?

— Был бы готов ученик, а учитель найдется, — Джулиан ответил не задумываясь. — Ты, как и многие другие в нашем обществе, готов узнать мудрость, которую я ношу в себе. Каждый из нас должен знать философию мудрецов. Каждый из нас может извлечь из нее пользу. Каждый из нас должен знать о совершенстве, оно является нашим естественным состоянием. Обещаю, что поделюсь с тобой древними знаниями. Успокойся. Я встречу с тобой снова завтра вечером, в это же время, в твоём доме. Тогда я скажу тебе все, что тебе нужно знать, чтобы добавить намного больше жизни в твою жизнь. Согласен?

— Ну, если я обходился без этого столько лет, еще каких-то 24 часа не станут для меня смертельными, — ответил я, не скрывая разочарования.

С тем мастер правозащиты, превратившийся в просвещенного йога Востока, и ушел, оставив меня с массой незавершенных мыслей и вопросов без ответов.

Спокойно сидя в своем офисе, я размышлял над тем, до чего же все-таки тесен наш мир. Я думал о целом море знаний, в которое я еще даже не начал погружать кончики пальцев. Интересно, каково это будет — вновь обрести вкус к жизни. Я вспоминал, каким я был любознательным в молодости. Мне так хотелось почувствовать себя более живым и привнести в свои будни необузданную энергию. Может, я тоже бросил бы профессию юриста. Может, у меня тоже есть более высокое призвание? Погруженный в такие непростые размышления, я погасил свет, запер дверь офиса и шагнул в духоту еще одной летней ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/21787/454001>